

В. П. Золотарев

ЯКОВ МИХАЙЛОВИЧ ЗАХЕР

(1893–1963)

Новая и Новейшая история. 1993, № 4. С.180–203.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Историки лучших научных школ России в послеоктябрьское время разными способами были отторгнуты от активной исследовательской деятельности: одних выслали за рубеж, других отправили в ссылку, третьих загнали в ГУЛАГ, четвертых или уморили в тюрьмах, или – и того хуже – расстреляли, пятые, уцелев и заняв должности во властных структурах нового режима, вынуждены были оставить научную работу. К ней призывались новые силы

Одним из многих, невинно пострадавших, был профессор Яков Михайлович Захер – замечательный человек и талантливый исследователь новоевропейской истории стран Запада. Ученик Н.И.Кареева, столь блестяще начавший свою научную карьеру в 20-е годы, он в 1938 г. по навету был арестован и испил полную чашу страданий, уготованную ему судьбой. И лишь в 1953 г. ему удалось, больному и надломленному, но не потерявшему веры в себя и будущее, выйти из мест заключения, а затем и вернуться к прерванной научной и педагогической работе. Но лучшие годы жизни были проведены в ГУЛАГе, а не за письменным столом. И не потому ли все, что имеется специально о Я.М.Захере в отечественной и зарубежной литературе, исчисляется двумя-тремя короткими некрологами, появившимися один за другим в сугубо специальных изданиях¹, и небольшой статьёй², посвященной одной из проблем, всегда интересовавших Захера. Есть упоминания имени Захера в некоторых историографических работах общего характера³. Наряду с этим следует отметить и рецензии, появлявшиеся на исследования историка в советской и зарубежной периодике в 20-30-е годы⁴. Однако по всем названным материалам весьма затруднительно создать цельное представление о жизни и научном творчестве Захера. Автору надо было изыскать новые, ранее никем не привлекавшиеся документы, чтобы написать «портрет» историка⁵.

Отец будущего историка – Мендель Бейнусович Захер – происходил из г.Режицы⁶ (ныне Резекне, Латвия), счастливо попал в трехпроцентную квоту, установленную для евреев, желавших получить высшее образование, поступил в Горный институт и вышел из него инженером. Он был приглашен на работу на Миасский завод Оренбургской губернии (ныне г Миасс, Челябинской области). Однако ранее, чем отъехать к месту своей службы, Мендель Бейнусович посчитал нужным изменить свои имя и отчество: не без труда и хлопот он стал Михаилом Вениаминовичем, и жениться. Привлекательная внешность: красив, высок ростом, строен, хорошее воспитание, твердое жизненное положение, которое обеспечивал ему только что полученный диплом инженера, обеспечили успех и этого предприятия. Ольга Григорьевна Нашатырь, наделенная красотой, добрым сердцем, умом, быстро дала согласие на брак, как и ее родители.

В ту пору устроить свою жизнь на новом месте человеку с дипломом инженера было совсем не трудно: скоро нашлись большая квартира с обстановкой, включая кухонную посуду, прислуга, нужные для труда инженера вещи. Энергичной Ольге Григорьевне потребовалось лишь несколько дней для обустройства квартиры.

22 октября (4 ноября) 1893 г.⁷ у супружеской пары появился первый (и последний – так было принято у евреев: если родится наследник, то детей более не должно быть; девочка – совсем иное дело) ребенок, получивший имя Яков.

По-видимому⁸, в начале века Михаил Вениаминович переехал в Петербург, поселился в доме № 170 по Невскому проспекту и определился на должность титулярного советника⁹, а Якова в 1903 г. зачислили в престижное Тенишевское училище.

В Петербурге, как и в Миассе, царил полный достаток в доме Захера. Яков был окружен заботой и вниманием, много читал. Все изучавшиеся дисциплины в училище Яков осваивал только на самые высокие оценки, кроме рисования, по которому он получил лишь «хорошо». Зато оно «шло» с блеском у его друга по училищу – Дмитрия Скобельцына, впоследствии академика-атомщика, известного общественного и государственного деятеля. Добрые отношения, возникшие на взаимном и глубоком интересе к науке, с тех пор у них сохранились навсегда.

20 мая 1910 г. Захеру выдали аттестат Тенишевского училища, дававший ему право на службу в юриспруденции, правда, лишь в низших чинах, что не очень-то привлекало живого и активного юношу. Он решил идти на юридический факультет столичного университета. Однако выяснилось: нужна оценка по латинскому языку, которой в полученном аттестате и не было. Это огорчило, но не расстроило юношу. Он не стал отдыхать и сразу занялся латинским, чтобы сдать экзамен по нему в одной из петербургских гимназий. В июле 1910 г. директор 7-й петербургской гимназии вручил ему свидетельство о том, что Захер «подвергся... испытанием по латинскому языку в объеме гимназического курса и на экзамене оказал хорошие познания, оцененные балом четыре»¹⁰. Путь в университет был открыт, и в октябре 1910 г. Захера зачислили на юридический факультет Петербургского университета¹¹.

Преподавательский состав юридического факультета того времени представлял собой цвет не только российской, но – в не малой степени – и мировой юридической науки. Среди преподавателей блистали: академики М.Н.Покровский – история римского права, М.А.Дьяконов – история русского права, М.М.Ковалевский – теория финансов. Им не уступали и И.В.Гессен – полицейское право и др.¹² Профессора прививали любовь и интерес студентов к истории правовой науки, учили их пользоваться сравнительно-историческим методом – думать, анализировать противоречивые правовые ситуации, оценивать сложные научные и практические проблемы права. Захер без особых усилий освоил этот метод на студенческой скамье. Ему помогало и то, что он в совершенстве владел французским языком, бегло читал по-немецки и по-английски¹³.

Среди преподавателей особо выделялся совсем недавно вернувшийся из-за границы М.М.Ковалевский, которого идеолог народничества П.Л.Лавров прозвал «толстым профессором мотыльком»¹⁴. Захеру очень нравилась его манера чтения лекций: энергичная, но плавная, логически скрепленная с незаметными, но всегда уместными, даже необходимыми, связями между, как теперь сказали бы, блоками мыслей и положений, строго доказательная.

Захер все новое для него старался освоить в полном совершенстве. Все ему в учении давалось как бы играючи. Яков охотно и удачно демонстрировал свои знания и умение складно говорить и писать на просеминарских и семинарских занятиях, в докладах и курсовых сочинениях. Он сам ощущал в себе способности педагога, стремился постоянно развивать их. От профессоров юрфака не ускользнуло и то, что способному студенту особенно удавались работы, в которых надо было проследить зарождение и развитие какой-либо правовой идеи. Историческая «жилка» давала о себе знать. Ему претила нудная работа. Поэтому он решил стать адвокатом. В 1915 г. он окончил университет с дипломом первой степени, т.е. с защитой кандидатского выпускного сочинения. Такое окончание университета было самым почетным. Однако радость получения столь весомого диплома была жестоко омрачена: именно в это время доступ евреям в адвокатуру был закрыт, и Захеру пришлось два года тянуть лямку делопроизводителя в одном из акционерных обществ «Юридического товарищества» Петрограда¹⁵. При таком повороте судьбы одаренный талантом историка и педагога низший чиновник юриспруденции возмечтал об исторической науке. Да и сама грозная обстановка того времени диктовала Захеру круто изменить род деятельности.

Шла первая мировая война. Атмосфера в стране накалялась. Тучи сгустились над тронem российского самодержца. Февральская революция не решила всех проблем, стоявших перед страной. Затем грянул Октябрьский шторм и вихрем своим захватил Захера. Имеющиеся у нас различные многочисленные документы, к сожалению, молчат о том, как 24-летний юрист по образованию, педагог и историк по призванию отнесся к русской революции, к Октябрьскому перевороту. Однако косвенно и они свидетельствуют: сочувственно. Более того, еще до VI съезда РСДРП (б) Захер вступил в нее¹⁶. В пользу этого свидетельствует и переход Захера на учительскую работу. Учительство России в своем большинстве не приняло нового режима. Школы не работали из-за материальных трудностей, сколько из-за того, что в них некому было преподавать. Новая власть вынуждена была бросить клич: все, кто могут, пусть идут в школы¹⁷.

Захер откликнулся на призыв властей и пошел учительствовать. Преподавал он успешно, хотя кратковременно: через год и три месяца был призван вопреки запрету врачей¹⁸ в одну из частей Красной Армии, расквартированной в г. Владимире¹⁹. Очень быстро, всего через три месяца, распознав его недюжинные пропагандистские способности, новобранца направили в Петроград на агитационно-пропагандистские курсы. Захер не только учился на этих курсах, но и учительствовал: читал пропагандистам курс новейшей истории Запада в Коммунистическом университете им. тов. Зиновьева, Высшей военно-политической школе им. тов. Толмачева и Высшей военно-педагогической школе²⁰. Делал он это столь мастерски, что слушатели упомянутых учебных заведений неоднократно просили молодого лектора «дать им хотя бы краткий конспект читаемых лекций». Вдобавок ко всему он учился на историческом факультете единого Петроградского университета, куда его зачислили 15 октября 1918 г.²¹ «У меня, – писал Захер, – полное отсутствие времени»²². Его успешная учеба позволила, минув второй и третий курсы, в июле 1919 г. считаться «выполнившим требования, которые были установлены для перехода на IV курс»²³. Однако 21 октября Захер «покорнейше просит» ректора университета выдать ему удостоверение в том, что состоит «в числе студентов Петроградского университета для представления в комиссию по Военным делам»²⁴. В связи с призывом в Красную Армию Захер также просил ректора отчислить его из Петроградского университета с 25 октября 1919 г.²⁵ Но его освободили от призыва в армию, и 8 ноября 1919 г. он снова студент IV курса университета²⁶, а в марте 1920 г. Захер успешно закончил университет со специализацией «новая история стран Запада»²⁷.

Обучаясь на историческом факультете Петроградского университета, Захер сблизился с двумя выдающимися отечественными учеными – историками Н.И.Кареевым и Е.В.Тарле. Они определили дальнейшую судьбу молодого исследователя. Кареев еще до первой мировой войны организовал в университете кружок молодежи, занимавшейся историей революционной Франции. В самый трудный 1918/19 учебный год занятия проходили на квартире Кареева, а в последующие годы в составе Исторического исследовательского института, организованного при Петроградском университете²⁸. Среди участников этого кружка был и Захер²⁹. Опытнейший педагог Кареев быстро распознал в своем ученике недюжинные научные способности, которые могли развернуться в самом недалеком будущем. Именно таких учеников Кареев всегда собирал на своей кафедре в университете. Поэтому Захер в 1921 г. был «оставлен по кафедре новой истории»³⁰. И в том же году появилась первая научная работа начинавшего историка «Парижские секции 1790–1795 гг. и их политическая роль и организация»³¹. Кареев снабдил его всеми необходимыми для исследования источниками и литературой и первым же авторитетно поддержал его публикацию. В последнем историографическом обзоре «Французская революция в русской марксистской историографии», лишь недавно увидевшем свет³², Кареев написал: «Первые исследования о секциях и Жаке Ру другого историка (т.е. Захера. – В.З.) были вдохновлены автором настоящей статьи»³³. А тогда, во время выхода в свет этюда Захера, Кареев незамедлительно отозвался на него хотя и краткой, но справедливой заметкой, в которой отмечал: «Книжка... трактует о предмете, еще недавно привлекавшем к себе мало внимания историков. В ней рассматриваются организация и политическая роль 48 секций (районов), на которые в 1790 г. был разделен Париж и которые принимали особенно деятельное участие в событиях 1792–1795 гг. ...Автор обнаружил знакомство с литературой предмета, а до некоторой степени и с источниками»³⁴. Карееву, блестяще знакомому с проблематикой книги и с различными мнениями об этом предмете в мировой историографии, легко было усмотреть особенности подхода своего ученика к содержанию освещаемых в ней вопросов и их оценок. «Они, – по мнению Кареева, – заключаются в применении к событиям, партиям и отдельным деятелям Французской революции точки зрения экономического материализма»³⁵. Эту мысль подхватил и Н.М.Лукин, отметивший, что Захеру удалось «подвести под чисто описательный материал... экономический фундамент... Автор стоит на марксистской точке зрения, и в общем даваемая им схема развития классово-борьбы представляется нам правильной»³⁶. И хотя Лукин сделал несколько «возражений и замечаний», он тем не менее признал: «Книжка Я.М.Захера является весьма ценным вкладом в нашу скудную научно-популярную марксистскую литературу по истории Великой революции»³⁷. Быть может, брошюру Захера и можно посчитать «ценным вкладом», но, конечно, не в историческую науку, а лишь в ее популяризацию в марксистском духе. Нам представляется, что скромная, но веская оценка труда Захера о парижских секциях, принадлежащая перу Кареева, была более объективной, нежели высказывания о нем Н.М.Лукина и С.Ольшевского³⁸. И это вовсе не упрек Захеру. Какие он мог, работая в Петрограде, изыскать доселе неизвестные источники, чтобы сказать нечто новое хотя бы в сравнении со своим учителем Кареевым? Последний передал ему тему о парижских секциях с надеждой, что Захеру удастся выполнить тот огромной важности замысел, который ему помешали исполнить мировая война и Октябрьская революция³⁹.

Кареев быстро убедил своего ученика в крайней необходимости научной командировки в Париж для работы в Национальном архиве и библиотеке, чтобы создать новаторское исследование по истории парижских секций. Кареев одобрял стремление ученика в его первой печатной работе показать традиции изучения парижских секций в мировой историографии, наметить новые подходы к рассмотрению проблемы. Десятилетие спустя Захер вспоминал: «Работая в 1918–1922 гг. в семинариях Тарле и Кареева, я, как мне тогда казалось, проводил в своих работах марксистскую точку зрения и противопоставлял ее взглядам таких типичных учеников этих профессоров, как Попов-Ленский, Бирюкович, Глаголева и др. Кареев и Тарле, критикуя мои выступления, вместе с тем не только терпели меня в качестве своего ученика, но иногда даже и выдвигали вперед»⁴⁰. Так что марксистский подход к истории Захер демонстрировал в своих докладах и выступлениях на семинарах Кареева и Тарле, а в «Парижских секциях...» он лишь на конкретном материале предал его гласности. И, как видим, получил одобрение самых крупных ученых России в этой области – Кареева и Тарле, тоже, как известно, не чуждавшихся марксистских идей.

Рассматриваемая работа Захера важна для него и в другом отношении – это отправной пункт почти всех последующих исследований историка, которым суждено было появиться⁴¹:

В 1922 г. Захер стал научным сотрудником Исторического исследовательского института при Петроградском университете, чуть погодя – членом общества историков-марксистов и членом группы левой профессуры⁴². Перед этими учреждениями ставилась задача учить молодых исследователей марксистскому методу. Захер искренне стремился постичь новые принципы, применить их к исследованию западноевропейской истории, что привело и к изменениям в общественных взглядах историка. Его пригласили на должность доцента Петроградского университета⁴³, где он работал до 1929 г., читая курсы новой истории стран Запада и проводя семинарские занятия. Студенты к нему шли и на специальный курс, и на специальный семинар по истории Великой французской революции⁴⁴. Жизнь стоила дорого, и Захер устроился на работу и в Педагогический институт им. А.И.Герцена. В обоих вузах Захер пользовался большим авторитетом среди студентов и преподавателей. 25 мая 1923 г. Государственный ученый совет (ГУС) Наркомпроса РСФСР присвоил Захеру ученое звание доцента⁴⁵.

Это ученое звание обязывало ко многому. Все время, не занятое учебными занятиями, он проводил в Публичной библиотеке, разрабатывая курсы новой истории стран Запада, глубоко и всесторонне познавая фактический и теоретический материал по истории главных западноевропейских стран, в особенности Франции. Итогом напряженных штудий явились книги, статьи и рецензии, появившиеся в печати того времени. Они показывают, насколько широк был охват научных интересов 30-летнего историка-марксиста. Его занимала и общая история стран Запада, и Великая французская революция, и промышленный переворот в Англии, и проблемы международных отношений⁴⁶. Но при этом неуклонно нарастает внимание Захера к одной крупной проблеме истории Великой революции во Франции – движению «бешеных», изучение которой диктовалось большим его «значением для настоящего революционного периода» в СССР⁴⁷.

К середине 20-х годов Захер по праву уже считался одним из самых подготовленных исследователей и преподавателей по истории Запада в Ленинграде. ГУС Наркомпроса в 1926 г. утвердил его в ученое звание профессора⁴⁸, а менее чем через год по решению того же ведомства, в январе 1927 г., было создано Ленинградское отделение института истории РАНИОНа и утверждено его руководство (коллегия) в составе Г.С.Зайделя, Я.М.Захера, А.М.Панкратовой, А.Е.Преснякова и Е.В.Тарле⁴⁹. Но если правление было назначено, то ученого секретаря отделения избирали: им стал Захер. Директором же стал Пресняков. Поскольку на Захера возложили организационную работу, то, по-видимому, при его ближайшем участии было принято постановление об образовании секций русской и всеобщей истории. Руководили ими, соответственно, Пресняков и Тарле. Работа секции всеобщей истории, в которую входил Захер, началась 19 марта 1927 г. Тарле осуществлял общее руководство секцией, всю же черновую работу выполнял Захер. На ее заседаниях выступали с докладами молодые историки-марксисты Захер («Жак Ру до смерти Марата»), А.И.Молок, П.П.Щеголев, Г.С.Зайдель, И.С.Фендель, А.Е.Кудрявцев, Л.Г.Райский.

В 20-е годы Захер опубликовал несколько книг, брошюр, статей по истории Запада и в полной мере испытал нехватку источников и материалов. По инициативе Захера секция включила в план своей работы пункт: «Произвести обследование ленинградских книгохранилищ для выяснения имеющихся в Ленинграде источников и материалов по новой и новейшей истории. Предположительно также аналогичное обследование ленинградских архивных фондов»⁵⁰. К сожалению, это намерение не осуществилось по самым разным причинам, главными из которых были большая занятость текущей научной работой и подготовка Захера к научной командировке в Париж.

Именно в это время в СССР обострилось внимание широкой общественности к истории Великой французской революции, и не столько в связи с исполнявшимся в 1929 г. 140-летием революции, сколько с острейшей необходимостью решения внутрипартийных дел и хозяйственных задач. Повсюду говорили о термидоре эпохи Великой революции. XIV съезд ВКП(б) стал первым партийным форумом, на котором развернулась дискуссия о термидоре. Затем эта тема настойчиво поднималась на XV партийной конференции в 1926 г. и на XV съезде партии в 1927 г. Документы упомянутых совещаний пестрят грозными обращениями к оппозиции: «А термидор? Скажите насчет термидора!» и т.д. А между тем мало кто из тогдашних рядовых членов партии толком знал историю термидора. Захеру было поручено восполнить этот пробел. В 1926 г. он выпустил специальную книжку «Девятое термидора». Сначала «Известия», а чуть погодя «Правда» и «Летописи марксизма» выступили с одобрительными рецензиями на эту работу⁵¹.

Поощренный столь высоким вниманием Захер уже по своей воле попытался проблему термидора перевести с научно-популярного уровня, как она была освещена в книге, на научный. Он опубликовал статью, где вслед за многими историками справедливо считал день 9 термидора II года (27 июля 1794 г.) «одним из важнейших эпизодов Великой французской революции»⁵², который еще не освещен с марксистских методологических позиций. Эту большую работу и взял на себя ленинградский профессор. Чтобы по-марксистски осветить интересовавший его «эпизод» революции, надо, по мнению историка, решить задачу двойного порядка: «Во-первых, дать описание этого дня и предшествующих ему событий, стоящее на высоте новейших научных изысканий, и, во-вторых, объяснить при помощи марксистско-ленинского метода причины термидорианской контрреволюции и определить ее место в истории»⁵³ Великой революции. И в то время, и сейчас ясно, что первую задачу автору удалось решить гораздо лучше, нежели вторую. Опираясь на литературные источники, прежде всего на многотомную коллекцию документов Бюшеза и Ру, и исследования многих французских историков – Амеля, Матьеза, Олара, Жореса и других, – Захер впервые в отечественной историографии столь подробно описал день 9 термидора, начиная от его драматической завязки ранним утром и до трагического финала поздним вечером. Ценность скрупулезного описания этого дня не уменьшили несколько десятилетий, минувших со дня выхода книги Захера из печати. Один из французских журналов оперативно отозвался на исследование Захера, отметив: «9 термидора стирает значительное белое пятно в истории якобинцев»⁵⁴.

Способы решения второй задачи, как отмечали рецензенты, получились «несколько схематическими и во всяком случае недостаточно конкретными»⁵⁵. При интерпретации этого «эпизода» революции Захер испытал сильное влияние выдающегося знатока эпохи А. Матьеза. У него, как известно, было три взгляда на термидор, которые сосуществовали одновременно. Первый формулируется весьма кратко: «Термидор до термидора». Его суть заключается в том, что якобинская диктатура переродилась до 9 термидора, а сам переворот явился лишь ее драматическим завершением, и этот день выступает перед потомками исторически неоправданным событием. Если в первом случае Матьез писал о повороте якобинцев вправо, то во втором обосновывал их сдвиг влево. К такому выводу Матьез пришел, анализируя декреты 8 и 13 вантоза (26 февраля и 3 марта 1794 г.) о разделе имущества «врагов революции» среди неимущих. Этим самым якобинцы хотели создать более широкую социальную базу своей власти. Оба эти взгляда советский историк признал несостоятельными⁵⁶ и сосредоточивался на третьем. Он заключается в том, что якобинцы весной 1794 г. не совершили поворота в своей экономической политике ни вправо, ни влево, а пытались удовлетворить все недовольные элементы французского общества. «Целью Робеспьера в это время, – отмечал Захер, – является "примирение всех французов"»⁵⁷.

Захер к оценке действий монтаньяров применял жесткую классовую схему: робеспьеристы были представителями мелкой буржуазии, которая не имела твердой классовой позиции, постоянно колеблясь между «буржуазией и пролетариатом», а потому – обречена на поражение. Вряд ли следует подробно останавливаться на том, что Захер неправомерно переносил классовую структуру европейских стран середины XIX в. на Францию конца XVIII в. Как Захер, так и последующие историки-марксисты нашей страны заканчивали Великую революцию 9 термидора, с которого начинается «сплошная контрреволюция», и тем самым определяли историческое место и содержание термидора в ее истории. Не лишним будет добавить: в историографии существовали и существуют другие мнения о времени окончания революции⁵⁸. Не без огорчения приходится констатировать, что Захер, да и нарождавшаяся тогда марксистско-ленинская историческая наука в целом игнорировали обоснованное учение русской исторической школы, и прежде всего Кареева, о «восходящем и нисходящем этапах» французской революции конца XVIII в.⁵⁹ Теперь в отечественной историографии восстановлена конечная дата Великой революции во Франции – 18 брюмера 1799 г., однако в связи с этим должно быть переосмыслено и 9 термидора. Настало время перестать столь однозначно оценивать это событие, коль скоро революция продолжалась и после него, хотя и пошла по нисходящей линии. Полезно будет в связи с изложенным присмотреться к мягкой и корректной оценке 9 термидора, принадлежащей перу французского политического деятеля и дипломата Луи Барту. В книге «Девятое термидора» (с. 124) он утверждал: 9 термидора был «не только переменной: это была революция в ходе Революции»⁶⁰. Но, как бы там ни было, Захер стоял у начала дискуссии о термидоре⁶¹, которая, спустя какое-то время, была приглушена, а затем и прекращена в связи с острым политическим положением в стране.

Наркомпрос РСФСР по ходатайству Ленинградского университета предоставил научную командировку Захеру в Париж для работы в Национальном архиве и библиотеке на летние месяцы 1927 г.⁶²

К командировке он был хорошо подготовлен. Представляя план работы на время своей заграничной научной командировки, Захер писал, что «специально посвятил себя в настоящее время изучению роли крайних левых течений этой эпохи (времени Великой революции. – В.З.) (так называемых «бешеных» и эбертистов)... В настоящее время мной полностью исчерпаны все имеющиеся в СССР источники и для продолжения этой работы, чрезвычайно важной для марксистской историографии революции, необходим доступ в Национальный архив и Национальную библиотеку в Париже и Британский музей в Лондоне. Результатом моей работы там явится исследование по массовой истории Французской революции и о роли «бешеных» как идеологов рабочего класса»⁶³. Захер планировал наряду с этим продолжить исследования дипломатической предыстории первой мировой войны, по которой он опубликовал большую статью «Константинополь и проливы»⁶⁴. В том же документе историк испрашивал разрешение поработать в «Архиве Великой войны в Париже и в Архиве министерства иностранных дел в Берлине»⁶⁵.

Разрешение на командировку было получено только лишь в Париж. Но и этому Яков Михайлович был несказанно рад. Его вдохновляла та большая работа, которую предстояло выполнить в Париже. Захер не упустил возможности встретиться и побеседовать с некоторыми французскими историками по интересовавшим его вопросам задуманного исследования⁶⁶, в частности с Альбером Матъезом⁶⁷.

Захер обследовал за короткое время все имеющиеся в картонах Национального архива Франции документы о «бешеных», просмотрел новейшие издания о них в Парижской библиотеке, исследовал периодическую печать эпохи.

Вернувшись в Ленинград, он тут же, захватив с собой обширные выписки, сделанные в Париже, уехал на свою скромную дачу, находившуюся близ станции Раздельная по Финляндской железной дороге, и с головой ушел в работу. Трудился самозабвенно. И через несколько месяцев у него на столе уже была пухлая папка с рукописью в 15 п.л. Название уже давно было придумано: короткое и броское – «Бешеные». 4 августа 1928 г. все на той же даче он написал короткое предисловие и отнес результат семилетних изысканий в издательство Ленинградского государственного университета. Выход в свет книги затягивался, и он начал в разных журналах и сборниках энергично публиковать главы из нее⁶⁸.

Приближался новый 1928/29 учебный год в вузах страны. Захер, как всегда, приходил на партийные собрания в университет, молча усаживался на последнюю скамейку, молча слушал очередной партдоклад и... молча уходил домой. Ему, молодому профессору, уже успевшему получить научное имя, как историку-марксисту было поручено выступить против одного из своих учителей - академика Е.В.Тарле по поводу последних его работ, в которых, как писала «Ленинградская правда», отразилась «идеология реакционно настроенных кругов». В той же статье говорилось: «Крепкая установка большевика и просвещенного историка требовалась для оппонента академика Тарле. И все это партия надеялась найти в профессоре Захере»⁷⁰. По словам газеты, Захер обо всем рассказал Тарле. Наотрез отказавшись выступить против Тарле, он написал заявление о добровольном выходе из рядов ВКП(б)⁶⁸. Однако партячейка истфака ЛГУ приняла днем ранее решение об исключении Захера из партии⁷¹. Его отстранили от профессорской должности в ЛГУ, однако оставили на работе в Педагогическом институте им. А.И. Герцена, но платить стали так скудно, что следовало подумать и о других заработках.

В это время в «Ленинградской правде» появилось объявление об открытии в Вологде 16 октября 1930 г. Северного краевого педагогического института (СКПИ) с пятью отделениями (факультетами), на историко-экономический требовался штатный доцент по истории Западной Европы и Америки для чтения лекций и проведения семинарских занятий по истории торгового и промышленного капитализма. Яков Михайлович воспользовался этим объявлением и отправил в Вологду письмо с просьбой принять его на работу профессором в новообразованный институт. Ждать ответа пришлось недолго. 10 октября он получил телеграмму о согласии зачислить его в штат института, о курсах, которые ему предстоит читать, о количестве часов, отводимых на предметы⁷². 16 октября 1930 г. Захер был зачислен профессором (по совместительству) кафедры истории Запада СКПИ⁷³. Одновременно Захер вел преподавательскую работу в Ленинградском пединституте им. А.И.Герцена. Постоянно жил он в Ленинграде⁷⁴, в многокомнатной квартире на Моховой (д.28, кв.19 «А»), но два-три раза в месяц выезжал в Вологду. Там в преподавательском общежитии ему предоставили комнату. Он был доволен своими коллегами по кафедре истории России, которую возглавлял ученик Н.А.Рожкова В.Н.Бочкарев⁷⁵. Оба профессора сошлись на почве глубокого интереса к исторической науке, к творческой педагогической работе. Бочкарев, как и Захер, был глубоким исследователем и блестящим лектором.

Захер в первый учебный год в СКПИ читал лекции и вел групповые занятия на историко-экономическом отделении по: 1) истории феодализма и торгового капитализма (100 час.); 2) истории промышленного капитализма на Западе (80 час.); 3) в секции истории в каждом семестре по курсу истории торгового капитализма на Западе (100 час.). Всего набегало 280 час. в год⁷⁶. Ознакомившись на месте с учебным планом, Захер понял, сколь серьезной должна быть подготовка к лекциям и групповым занятиям во вновь открывшемся вузе. Он полностью отдался работе. Много времени проводил в Публичной библиотеке в Ленинграде⁷⁷. Затраченный труд окупался сторицей: Захер быстро завоевал авторитет у преподавателей и студентов как недюжинный знаток истории Запада и блестящий лектор. И не случайно его попросили заведовать кафедрой истории Запада в Северном пединституте.

Хотя большая часть книги «Бешеные», как уже было сказано, увидела свет в периодической печати, Захер тем не менее нетерпеливо ждал выхода монографии, надеясь ее защитить в качестве докторской диссертации. А рукопись лежала в типографии уже более полутора лет. Ее автор тем временем продолжал тщательно следить за литературой вопроса и не без гордости в постскриптуме, написанном 6 февраля 1930 г. к ее предисловию, отметил: «За истекшее время не вышло ни одной новой работы, хотя бы косвенно затрагивающей вопрос о "бешеных"»⁷⁸. И все же книга вышла. На нее сразу же появилась рецензия, притом разгромного характера. Автор предусмотрительно скрылся за псевдонимом «С-й». Не считаясь с фактами, он утверждал: «Охват темы у Я.М.Захера определен материалом из вторых рук, – убеждение в истинности этого факта не может быть поколеблено даже ошеломляющими размерами его «аппарата», которые могут только заставить взывать к более экономному обращению с советской бумагой»⁷⁹. Еще более грозным было окончательное резюме анонима: «Таким образом подмена Я.М.Захером марксистского анализа социальных отношений упражнениями в марксистской терминологии благоприятных результатов не дает. Вопрос о «бешеных» остается открытым вопросом, проблема их социальной природы ждет еще марксистского исследователя»⁸⁰. И эта рецензия появилась на книгу историка в самый разгар так называемого «дела историков С.Ф.Платонова и Е.В.Тарле»⁸¹.

Тем временем в Ленинграде лихорадочно готовилось объединенное заседание института истории при ЛОКА* и местного отделения общества историков-марксистов по разгрому школ академиков Тарле и Платонова. И если Захер наотрез отказался выступить против Тарле, то не отказался это сделать безвестный и бойкий Г.С.Зайдель. С Платоновым оказалось проще: его взялся «разделать» известный тогда в погромных делах М.Цвибак. О его деяниях в качестве комиссара Петроградского университета красноречиво свидетельствует в воспоминаниях выдающийся социолог П.А.Сорокин⁸². Подготовка совещания шла полным ходом. Разгромное заседание длилось четыре дня: 29 января, 1, 12 и 16 февраля 1931 г.⁸³ Захер ни на одно заседание не явился. Этот молчаливый, но понятный всем протест так обозлил докладчиков и выступавших в прениях, что имя Захера упоминалось и к месту, и не к месту. В заключительном слове Зайдель обрушился на «молчальников». «Молчание, – восклицал он, – это свидетельство о несостоятельности тех не выступавших, работы которых подверглись здесь совершенно заслуженному критическому обстрелу. Примером такой научной и политической несостоятельности является С.Вознесенский и Я.Захер, которые не соизволили сказать ни слова... Советская и научная общественность по достоинству оценит их поведение»⁸⁴. Зайдель по партийной указке без обиняков потребовал отмежевания от них: «Кто окажется на нее способен, может идти в бой вместе с нами. Кто окажется неспособным – пусть пеняет на самого себя: для подлинной исторической науки он перестанет существовать»⁸⁵. Захер и другие «молчальники» хотели, конечно, существовать не только физически, но и в науке. И они – как это ни было тяжело – написали покаянные письма выше упомянутому объединенному заседанию при ЛОКА⁸⁶.

Передо мной лежит письмо Захера. В нем, как в капле воды, отражается то время. Не стоит его подробно анализировать: все покаянные письма того времени как близнецы, будто бы написаны под одну диктовку. Обвиняется тот, кто неугоден, стало быть, он должен перечислить и признать свои «ошибки». И после всего этого – клятва: «Задачей всей своей настоящей и будущей работы я ставлю борьбу за генеральную линию ВКП(б)... и борьбу со всеми отклонениями от марксизма, от кого бы они ни исходили»⁸⁷. Таким письмам власти, как правило, не верили. В набранной петитом редакционной приписке к письму Захера, отрывок из которого мы только что привели, сказано: «Насколько искренни признания Я.М.Захера, – мы можем судить только по результатам этой работы»⁸⁸.

Но и такого выступления с письмом Захера властям оказалось мало. Он вынужден был выступить и публично, но не в Ленинграде, а в Вологде 11 мая 1931 г. на «общем собрании студенчества института г. Вологды в присутствии членов общества историков-марксистов и научных работников института с докладом на тему «О моих ошибках». В этом докладе все основные «ошибки» им были названы и в основном вскрыты их социальные корни. «При проработке учебного материала со студенчеством проф. Захером, после дискуссии на историческом фронте, всегда указывались свои ошибки и давалась этим ошибкам критика»⁸⁹.

Научная судьба историка была искалечена. Об этом, кроме всего прочего, красноречиво свидетельствует список научных трудов Захера. В 1931 г. вышла в свет лишь одна, ранее подготовленная работа Захера – второй том «Великой французской революции и церкви», да переиздана «Парижская коммуна и церковь»; 1932 и 1933 гг. – полное молчание. В 1934 г. опубликовано лишь пять статей. Последующие три года – снова молчание. 1938 г. отмечен только одной статьей.

А теперь сопоставим число работ Захера, опубликованных за девятилетие (1921–1930 гг.) – их насчитывается 73 – включая и несколько книг, с количеством работ за восьмилетие (1931–1938 гг.) – их лишь девять и ни одной книги. В науку после скандальных дискуссий его «не пускали». Что же оставалось делать, как не отдалиться полностью профессорской работе в педагогических институтах Ленинграда и Вологды, а с 1932 г. и в Новгородском педагогическом институте⁹⁰. К этому следует добавить, что его критик Зайдель, подвизавшийся в ЛОКА, принудил Захера читать лекции по истории Запада для партактива Ленинграда⁹¹, что мешало ему уезжать в Вологду для педагогической работы в СКПИ. Мало того, 25 июня 1933 г. директор СКПИ А.К.Шишкин был уведомлен: «Проф. Захер не отказался от совместительства в других вузах, поэтому ему персональная ставка установлена быть не может»⁹². Шишкин телеграммой известил об этом Захера. Тот отвечал письмом: «К сожалению, вынужден отказаться от предложения почасовой оплаты и выражаю надежду, что наше расставание не будет длительным и что в будущем году в СКПИ будет большее количество часов по новой истории, я смогу взять их на себя»⁹³. Но этой надежде не суждено было сбыться уже никогда. Хотя руководство СКПИ и очень дорожило профессором и добивалось от планфинсектора Наркомпроса РСФСР персональной ставки для него, из этого ничего не вышло. Директор держал Захера в штате еще несколько месяцев, но в 1935 г. приказом № 48 отчислил из состава преподавателей института⁹⁴.

У Захера возникла идея переработать свою объемистую книгу «Бешеные» с учетом «настоящего революционного периода» и попытаться защитить ее в качестве докторской диссертации на кафедре новой истории. Ею руководил профессор А.И.Молок. Взаимоотношения между ними были сложными, хотя знали они друг друга давно. В начале 1929 г., когда Захер вышел из ВКП(б) и отказался выступить против Тарле, Молок резко порвал с ним. Позже, когда Захер написал несколько покаянных писем в разные инстанции и выступил публично с признанием своих «ошибок», Молок пошел на сближение с ним. Теперь же они дружили не только лично, но и семьями. Летнее отпускное время проводили семьями в Крыму⁹⁵. Часто встречались и отдыхали на дачах под Ленинградом. Как-то, гуляя вместе с Молоком, Захер заговорил о своем намерении публично защитить диссертацию «Бешеные» в качестве докторской. Молок с готовностью поддержал намерение своего коллеги, но предложил другой путь: обсудить диссертацию на кафедре, принять решение и документы направить в Наркомпрос РСФСР, т.е. уйти от процедуры публичной защиты, грозившей по политическим мотивам закончиться скандалом.

27 мая 1935 г. состоялось заседание кафедры новой истории ЛГУ, которая приняла решение: «Ходатайствовать перед квалификационной комиссией об утверждении (Захера) в качестве доктора наук по новой истории без защиты диссертации на основании имеющихся работ»⁹⁶. Несколько ранее Молок написал хотя и короткий, но убедительный отзыв о научных трудах Захера, в котором отмечал, что знает «Я.М.Захера как крупного историка нового времени, специалиста по Великой французской революции 1789–1794 г. Из его работ в этой области наибольшее значение имеет монография «Бешеные» (1930 г.), основанная на большом фактическом материале, почерпнутом из Парижского Национального архива»⁹⁷. Опытный Молок не умолчал о «допущенных ошибках» Захера, правда, отнес их на счет русской исторической школы. В отзыве он привел и такой факт: «Отмечу еще, что по имеющимся у меня сведениям Я.М.Захер недавно приглашен участвовать в работе парижского научного общества»⁹⁸. А вот и концовка отзыва: «Резюмируя научные данные профессора Я.М.Захера, считаю, что он достоин степени доктора истории»⁹⁹. Так же считал и декан исторического факультета Педагогического института им. А.И.Герцена Ф.Н.Головачев, представивший две характеристики на соискателя ученой степени¹⁰⁰. Шел май 1936 г., а аттестационное дело Захера лежало на своем месте. Кто-то вмешался, и, похоже, оно так и не было отослано в Москву: в одном из документов, хранящихся в архиве МБР РФ по Ленинградской области, читаем: «В 1938 г. он (Захер. – В.З.) представил в ЛГУ диссертацию (а не монографию «Бешеные», о чем речь шла ранее. – В.З.) на соискание ученой степени доктора исторических наук»¹⁰¹.

Молок был настойчив. Он даже пригласил Захера на свою кафедру штатным профессором (а не совместителем, как было до этого). На этой должности он трудился с 27 декабря 1936 г. по 9 октября 1938 г.¹⁰² Судьба, однако, повернула так, что присуждение ученой степени доктора исторических наук – с публичной ли защитой или же без нее – никогда не состоялось. Наступали иные времена.

3

Год 1937 и год 1938... Едва ли историк отыщет в анналах нашего Отечества еще два таких же похожих года: начались повальные аресты «врагов народа», членов выдуманных контрреволюционных организаций. Под утро 8 октября 1938 г.¹⁰³ остановилась тюремная машина и на Моховой улице Ленинграда, рядом с домом № 28. Постучались в дверь квартиры № 19 «А». В ней, как уже упоминалось, проживал Захер с семьей из шести человек. Дверь открыла воспитательница детей. Двое быстро шмыгнули в проем двери, а третий вальяжно прошел в кабинет. Яков Михайлович попрощался с семьей, поцеловал спавших дочурку и сына, и его увели. В эту квартиру он никогда уже не вернется.

Вместе с Захером арестовали группу ленинградских профессоров: С.И.Ковалева, С.В.Вознесенского, Н.И.Андреева, М.Н.Мартынова, А.Х.Розенберга, Я.М.Магазинера, А.Н.Шебунина¹⁰⁴. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к контрреволюционной меньшевистской организации, будто бы ведущей «активную борьбу с советской властью»¹⁰⁵. Следствие вели работники УНКВД Ленинградской области Дроздецкий и Гейман. Арестованные, как повествует документ, в начале предварительного следствия признали себя виновными в контрреволюционной деятельности и изобличили в этом друг друга. К тому же свидетель по этому делу доцент ЛГУ М.М.Малкин показал, что Захер в лекциях о Великой французской революции допускал грубые ошибки по вопросу якобинской диктатуры. Что же это за ошибки? О них можно узнать из протокола допроса Малкина на предварительном следствии от 2 февраля 1939 г. На судебном заседании 14 сентября 1939 г. Малкин показал: «В 1935–1936 гг. я присутствовал на лекциях Захера в ЛИФЛИ и, насколько помню, Захер читал хорошо и о его лекциях были хорошие отзывы. Должен сказать суду, что в научной работе были ошибки. Весной 1937 г. Захер делал о якобинской диктатуре доклад. Якобинскую диктатуру Захер характеризовал как мелкобуржуазную диктатуру. Это в корне не верная концепция... Излагая историю Великой французской революции, Захер допускал фальсификацию и в этом вопросе, как-то он говорил, что причина падения Робеспьера заключается в том, что якобы народные массы покинули его, т.е. Захер рассматривал падение Робеспьера как сужение социальной базы. Вся эта фальсификация истории необходима была троцкистам для контрабандной борьбы против Ленинско-Сталинского руководства, против партии»¹⁰⁶.

Однако допрошенный по этим фактам директор Ленинградского института усовершенствования учителей А.А.Письменный охарактеризовал Захера как квалифицированного лектора и никаких ошибок в трактовке истории Великой французской революции не усмотрел, а свидетели П.И. Рождественский, В.Я.Рабинович, Г.А.Гуковский и другие ничего не знали о какой-либо контрреволюционной деятельности Захера¹⁰⁷.

Следствие велось наспех. Обвинение основывалось на признаниях самих подсудимых и свидетеля Малкина. С таким «документальным» багажом дело было выставлено в судебное заседание Военного трибунала Ленинградского военного округа 14 сентября 1939 г. Но на суде произошло непредвиденное: Захер и другие обвиняемые отказались от данных ими ранее на предварительном следствии показаний как вымышленных и данных ими по принуждению, и дело в отношении их было возвращено судом на дополнительное расследование. Все закрутилось вновь. Потребовали характеристики с мест работы подсудимых, в том числе и на Захера. 8 апреля 1940 г. следствие получило характеристики Захера, принадлежавшие перу заведующего кафедрой новой истории ЛГУ профессора Молока и заведующего кафедрой истории древнего мира академика В.В.Струве. А через 20 дней к ним были присовокуплены характеристики на Захера, написанные деканом исторического факультета Педагогического института им. А.И.Герцена проф. А.Е.Кудрявцевым и заведующим кафедрой истории средних веков ЛГУ профессором О.Л.Вайнштейном. Эти документы открывают нам новые грани характеров наших историков, живших и творивших в столь сложное – и для них, и для народа – время. Они подчас подвергали себя серьезной опасности, открыто и прямо становясь на защиту своего несправедливо осуждаемого коллеги. «Считаю, что Я.М.Захер – это человек, могущий принести большую пользу как профессор и научный работник. Я убежден, что он не способен на антисоветские действия» (Молок).

«Я полагаю, что привлечение к работе (проф.Захера), являющегося хорошим преподавателем вуза, принесет пользу важному делу преподавания истории в наших вузах» (Струве)¹⁰⁸.

«Научно-исследовательской деятельности Я.М.Захера на историческом факультете Ленинградского государственного университета могу дать только положительную оценку» (Вайнштейн).

«Яков Михайлович – превосходный, яркий лектор и всегда пользовался громадной популярностью среди студентов. Я лично глубоко убежден в том, что Я.М.Захер – честный советский историк, плодотворно работавший на благо советской науки и нашей страны» (Кудрявцев)¹⁰⁹.

Как видно из документов дела, в процессе дополнительного дознания каких-либо новых данных, подтверждающих вину Захера и других подсудимых, «добыто» не было. В связи с этим дела на С.И.Ковалева, Н.И.Андреева, М.Н.Мартынова, Я.М.Магазинера и А.Х.Розенберга УНКВД Ленинградской области на основании ст. 204 п. «б» УПК РСФСР в уголовном порядке были прекращены, а Захера 19 октября 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР осудили на восемь лет лишения свободы по ст. 58–8, 17; 58–9; 58–10; 58–11 УК РСФСР¹¹⁰. В скором времени Захера направили в лагерь политзаключенных Богучаны. «Первое время, – рассказала нам дочь Захера, Наталия Яковлевна, – мы ничего не знали о нем, не знали даже, жив ли он. Незадолго до начала войны стали поступать редкие письма»¹¹¹. В 1943 г. его перевели в Сибирь. «О годах, проведенных в лагерях, отец почти ничего не рассказывал: тогда это как-то не было принято. Только как-то упомянул, что ему повезло: на лесоповал его не посылали, а работал в «придурках», а именно – истопником»¹¹².

3–4 февраля 1943 г. Красноярский краевой суд устроил судилище над опальным ученым. Он приговорил его по ст. 58-10 части II УК РСФСР к 10 годам лишения свободы с поражением в правах по п.п. «а», «б», «в» ст. 31 на пять лет с конфискацией имущества, а судебная коллегия по уголовным делам суда РСФСР от 11 марта 1943 г. утвердила это решение¹¹³.

Еще не истек срок наказания, а уже летними майскими днями 1951 г. летит директива МГБ и прокуратуры СССР Красноярским властям направить Захера в ссылку в Красноярский край¹¹⁴.

Такова внешняя канва того чудовищного беззакония, которое творилось над Захером с момента его ареста и до мая 1951 г., когда ему было сообщено о вечной ссылке в Сибирь.

Начался 1953 год. Дочь историка, Наташа Захер, студентка факультета иностранных языков ЛГУ, собиралась на зимние каникулы погостить у своей московской подруги. Ольга Григорьевна, ее бабушка, позвала ее к себе и попросила, снабдив соответствующим адресом, зайти на квартиру к Скобельцыну, бывшему гимназическому другу Захера, и попросить его похлопотать об освобождении отца. Наталия пошла на квартиру академика вся дрожа. Вошла в подъезд. Лифтер, одорукий фронтовик, увидя ее крайне испуганной, ласково спросил: «Вы к кому? – «Я к Дмитрию Владимировичу Скобельцыну». – «Не бойся: он хороший мужик», – сказал лифтер. Эти слова ободрили студентку и придали ей дополнительные силы. Поднялась. Позвонила. Открыли двери квартиры. Пропустили в огромный коридор. Скобельцын стоял в пальто: куда-то собрался уходить, явно спешил. «Вы кто?» – спросил академик. – «Я – дочь Якова Михайловича Захера», – последовал ответ черноглазой студентки. – «Что же вы хотите? Расскажите, только кратко», – повелительно сказал седой большой человек, не снимая своего зимнего пальто. Сбивчиво, волнуясь, Наташа объяснила, как могла, суть дела так, как советовала ей накануне умудренная жизненным опытом бабушка. Скобельцын быстрым движением руки поскреб свой седой правый висок и очень четким голосом сказал: «Напишите на мое имя как депутата Верховного Совета СССР просьбу о помиловании Якова Михайловича. Именно о помиловании, – добавил он. – Многие допускают ошибки, – еще более внушительным голосом сказал он, – прося о пересмотре дела, считают их обвинения неправильными. Пишите о помиловании Якова Михайловича в связи с преклонным возрастом и резким ухудшением здоровья. Да побыстрее присылайте мне просьбу».

Как много в жизни каждого человека случайностей! Наталия Яковлевна призналась, что если бы она опоздала на пять минут и, стало быть, не застала академика на квартире, то второй раз вряд ли решилась бы пойти к нему. Ольга Григорьевна все взяла на себя и сделала так, как советовал академик¹¹⁵. Скобельцын, будучи депутатом Верховного Совета СССР в 1953–1974 гг., а чуть позже став и председателем Комитета по Международным Ленинским премиям, по своим делам атомщика нередко встречался с высшими руководителями КПСС и государства. Дмитрий Владимирович и замолвил словечко за своего гимназического друга. По сведениям, полученным нами от ученика Захера, А.В.Гордона, ходатайствовал об освобождении Захера и академик В.П.Волгин¹¹⁶. Н.Я.Солонимская воспроизводит на этот счет слова своего отца¹¹⁷, и они подтверждаются фактами. Если сопоставить вехи жизни Захера и Скобельцына, то они во многом совпадают, по крайней мере до 1937 г., когда Дмитрий Владимирович был из Ленинграда переведен в Москву, а Захер годом спустя отправлен в ГУЛАГ. Скобельцын сочувствовал горькой судьбе своего друга и при первой же возможности постарался помочь Якову Михайловичу. Результат был налицо: Захер получил свободу. В Ленинграде ему остаться не позволили, и он жил в Петрозаводске у своего сына Юрия, который работал врачом в одной из поликлиник города. В ней Яков Михайлович «трудился в почетной должности регистратора»¹¹⁸. И лишь в 1956 г. Захер вернулся в Ленинград и поселился в одной из квартир в Петродворце по ул. Аврова, в доме 17/1, квартире 12. Наталия Яковлевна любезно предоставила нам копию справки военного прокурора Ленинградской области: «Сообщаю, что 13 апреля 1956 г. Военным трибуналом Ленинградского военного округа дело по обвинению Вас в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления». Несколько строк, а за ними 15 лет, вычеркнутых из творческой жизни ученого, искалеченная судьба. Тем крепче мужество Захера, которое позволило ему преодолеть все невзгоды и после многолетнего перерыва, как сказал его друг, английский историк Р.Кобб, в прощальном выступлении, «возобновить свои занятия на том самом месте, где вынужден был оставить их. В этой страстной привязанности историка, всегда готового начать сначала, мы видим прекрасный пример для всех нас»¹¹⁹.

Осенью 1956 г. Захер появился на историческом факультете ЛГУ. Он собирался читать специальный курс о движении «бешеных» и проводить спецсеминары по той же проблеме. К нему записалось несколько студентов третьего курса, специализировавшихся по кафедре новой и новейшей истории стран Запада. Среди них был и Гордон, он вспоминает: «Я был на третьем курсе и осенью 1956 г. записался слушать спецкурс и семинар Я.М. Мы знали, что он после ГУЛАГа, и его облик носил черты этого. Он выглядел несколько скованным и в переносном и прямом смысле. Тяжело двигался, видимо, из-за веса. Толстым он, однако, не казался. Поворачивался он всем корпусом. Поразили две черты: взгляд и голос. Как бы застывший, пронзительный и завораживающий взгляд был суровым, но не жестким, а скорее добрым, грустным, но не скорбным... В общем, сквозь тебя и сквозь века! Разумеется, эта статуарность почти пропадала в беседах, лишь порой напоминая о себе бетховенской нотой среди штраусианы. Может быть, еще более поразил при первом впечатлении голос. У этого несколько дряхлого человека он оказался мощным и динамичным. Речь была не богата оттенками, но была удивительно точной... Начиная с голоса, обновлялся весь облик. Старец оказывался буквально насыщенным неистребимой энергией... И при всем том – профессор классического стиля – впечатляющий облик явного интеллектуала с какой-то врожденной отстраненностью от повседневной мелочности, дрызг, в общем суеты»¹²⁰.

Такого профессора студенты слушали внимательно, прекрасно понимая: кто стоит перед ними. Им импонировали эрудиция и манера чтения Якова Михайловича.

Но профессор сознавал, что спецкурс недостаточен, чтобы вновь заявить о себе как о мощной научной силе. Для этого нужны прежде всего рабочие и личные контакты с историками – отечественными и зарубежными.

В сентябре 1958 г. Захер приехал в Москву в Институт истории АН СССР. В секторе новой истории западноевропейских стран у него состоялся важный и продолжительный разговор с профессором Б.Ф.Поршневым. Якова Михайловича, разумеется, более всего интересовала разработка истории Великой французской революции. И хотя Поршневу лишь вскользь упомянул о подготовке молодым тогда историком А.В.Адо сборника статей французского историка Альбера Собуля¹²¹, это упоминание крепко запало ему в голову. Вернувшись в Ленинград, Захер выяснил, что названный сборник будет трудно получить в городе на Неве. Поразмыслив, Яков Михайлович быстро написал короткое письмо Адо: «У меня есть многие его (Собуля. – В. З.) статьи, я с ним регулярно переписываюсь и мне очень хотелось бы иметь советское издание его статей... Поэтому обращаюсь к Вам с большой просьбой: по выходе в свет не затруднит ли Вас присылка мне одного экземпляра с наложенным платежом?.. Прошу извинить меня за эту просьбу и вместе с тем надеюсь, что она послужит началом знакомства между нами»¹²². Так оно и получилось. Переписка продолжалась до тех пор, пока Захер мог писать. Передо мной лежит последнее письмо Захера к А.В.Адо. На нем дата «26. IX.61 г.» В конце неуверенно начертано: «Простите за плохой почерк. Он у меня вообще... желает лучшего, а если еще дрожат руки...»¹²³.

Но до этого письма судьба одарила Якова Михайловича еще несколькими годами жизни, которые он целиком посвятил исторической науке. Главная его забота в эти годы – подготовка двухтомника «Движение "бешеных"». Первый том удалось пристроить в Издательстве социально-экономической литературы (Ленинградское отделение). 2 января 1961 г. Яков Михайлович с удовлетворением написал А.В.Адо: «Верстка рукописи прошла правку и сейчас находится на сверке в типографии. Надеюсь, что через пару месяцев книга выйдет»¹²⁴. Удовлетворение сменяется разочарованием. Всего через несколько месяцев он поделился своими нерадостными мыслями с А.В.Адо: «Ничего крупного я сейчас не пишу, т.к. не вижу возможности напечатать даже то, что есть в готовом виде – вторую (биографическую) часть «Бешеных» и новое издание «Шометта»»¹²⁵. Однако он не отчаивался и продолжал сотрудничать в отечественных и зарубежных журналах. Чаще других – в журнале «Новая и новейшая история»¹²⁶. Статьи и рецензии Захера охотно брали и зарубежные издания¹²⁷, конечно, не без помощи его друзей по науке А.Собуля, В.Маркова и др.

С выдающимся французским историком Собулем Захера связывала большая и искренняя дружба и взаимное глубокое уважение. Выше уже отмечалось, что они активно переписывались, и это помогало Якову Михайловичу «войти» в противоречивые проблемы Великой французской революции. Причем дружество с Собулем не мешало Захеру видеть недочеты и даже, с его точки зрения, ошибки в творчестве французского историка. Проиллюстрируем это хотя бы одним из многих имеющихся у нас фактов. В 1958 г. вышел в свет огромный труд Собуля о парижских санкюлотах. Захер изучил его и написал обширную рецензию, опубликованную в журнале «Новая и новейшая история» (1959, № 4). В этой связи интересно письмо Захера к А.В.Адо, написанное днем позже окончания работы над упомянутой рецензией. В нем Яков Михайлович признавался: «Должен сказать, что эту рецензию я совершенно сознательно написал очень односторонне: говорил о положительных сторонах книги и умалчивал о сторонах отрицательных. Я полагаю, что при нынешних отношениях во Франции нападение в советском журнале на французского историка-коммуниста (как он мне писал, он член ФКП с 1932 г.), если только в его писаниях нет прямого ревизионизма, было бы делом» в высшей степени бестактным»¹²⁸. Но этот довод был не главным. Решающим в оценках труда Собуля было другое. «Ведь ошибки Собуля, – продолжал Захер, – никак не являются его личными, а целиком повторяются и у Рюде, и у Вальтера Маркова, и у Кобба! И второе: не кажется ли Вам, что эти ошибки необычайно напоминают ошибки в работах советских историков, в частности Н.М.Лукина, С.М.Моносова, Ц.Фридлянда и Вашего покорного слуги»¹²⁹.

Да, несправедливая – во многом, но отнюдь не во всем! – критика, обрушившаяся на Захера в 30-е годы, не забыта. Переживания того времени остались, а сердце зарубцевалось. Он никому и никогда не пожелал бы пережить то, что выпало на его долю, тем более такому талантливому историку, каким был и остался навсегда Собоуль. Однако в доверительном письме Захер поставил все точки над *i*. Переходя к анализу конкретных тезисов Собоуля, ошибочных по его мнению, он выделил главнейшие. Какие же? Процитируем еще одно письмо к А.В.Адо:

«1) Непонимание (или незнание) ленинского тезиса о прогрессивности идеи равенства мелких товаропроизводителей в борьбе с феодализмом. Отсюда его взгляд на идеологию плебейских масс и «бешеных», как идеологию реакционную. Как Вам известно, в 20-е годы на этой же позиции стояли и многие советские историки, но сейчас для нас это уже давно пройденный путь.

2) Путаница в вопросе о понятии «санкюлоты». Как Вы правильно отмечаете, он в понятие «санкюлоты» чаще всего включает плебейские массы + верхи мелкой буржуазии, что, конечно, неправильно. Но иногда у него получается иная картина – это тогда, когда он противопоставляет понятие «санкюлоты» и «якобинцы», ибо в этих случаях верхи мелкой буржуазии попадают в «якобинцы». Такая же у него путаница, когда он якобинцев характеризует то как мелкую, то как среднюю буржуазию»¹³⁰. Не уходит Захер от своего понимания термина «санкюлоты». «Я действительно считал, что то, что в современной прогрессивной зарубежной литературе называют «санкюлотами», является равнозначным энгельсовскому понятию «плебеев». При этом под плебеями или «санкюлотами» я понимаю наемных рабочих (это предпролетарское ядро «плебейства») + не эксплуатирующих чужого труда мелких ремесленников и торговцев + низы трудовой интеллигенции + люмпен-пролетариат и т.д. На этой же точке зрения, стоят, насколько мне известно, также А.З.Манфред, С.Л.Сытин, Вальтер Марков и В.С.Алексеев-Попов»¹³¹.

Не поддержал Захер собулевской трактовки «революционных и религиозных культов», которые выдумали и насаждали якобинцы. «Я, – говорил советский историк, – в противоположность как Матъезу, так и Собоулю, полагаю, что все «революционные культы» составляли не что иное, как одну из форм классовой борьбы, и думаю, что те «народные культы», о которых трактует Собоуль, в этом отношении решительно ничем не отличаются от культа Разума и Верховного Существа. Что касается якобы народного или плебейского происхождения этих культов, то с этим положением я также не согласен. Как известно, несмотря на всю свою ненависть к контрреволюционному движению, низшие классы не только деревень, но и городов того времени в своем огромном большинстве оставались верующими католиками, не читвшими ангела Разума, а затем Верховного Существа. И вот мне представляется, что эти «народные» культы были вовсе не народными, а культурами, искусственно насаждаемыми якобинской мелкой и средней буржуазией в парижских секциях»¹³². Захер считал, что все эти шумные обряды «религиозных культов» «вызывали отрицательную реакцию со стороны верующих санкюлотов и, в первую очередь, вызывали неверие». Итожа свои размышления, историк отмечал: «Эти "народные культы" содействовали неудаче дехристианизации»¹³³.

Однако в сложной истории Великой французской революции были и такие вопросы, которые оставались и для Захера не вполне ясными. Одни из них – отношение эбертистов к «бешеным», в особенности осенью 1793 г. Этот вопрос поставил историку в одном из своих писем А.В.Адо. Яков Михайлович долго размышлял, копался в разного рода справочной и иной литературе, прежде чем ответить своему адресату: «Отвечаю на Ваш вопрос об эбертистах. Вы совершенно правы в том, что я рассматриваю их как представителей низов мелкой буржуазии, ее разоренной части. Почему они так яростно выступали осенью 1793 г. против «бешеных»? Скажу Вам откровенно, что этот вопрос для меня не вполне ясен»¹³⁴. Яков Михайлович сознавал, что молодой исследователь ждал от него ясного ответа, а не только признания трудности поставленного вопроса. И он продолжал: «Видимо, здесь играли роль две причины: 1. Как известно, разоряющаяся мелкая буржуазия особенно цепко держится за свою фактически уже ставшую иллюзорной собственностью, а в пропаганде «бешеных» эбертисты видели посягательство на принцип собственности. 2. Весьма вероятно, что, усваивая некоторые лозунги «бешеных» и вместе с тем содействуя их разгрому, эбертисты делали это с целью занять их место в качестве вождей плебейских масс и использовать эти последние, как орудие в своей борьбе за власть»¹³⁵. Но у эбертистов, как известно, ничего не получилось: они были разгромлены робеспьеристами. Последние тем самым лишились широкой социальной поддержки и недолго оставались после этого у власти – термидорианцы вырвали из их слабеющих десниц органы власти, а их самих отправили под одобрительный крик собравшейся толпы на гильотину. Размышления Захера о взаимоотношениях эбертистов и «бешеных» и влиянии этих взаимоотношений на судьбы революции не лишены оригинальности.

Так, в раздумьях и трудах, проходили последние месяцы жизни Захера. Организм, надорванный в ГУЛАГе, стал быстро сдавать. 14 марта 1963 г. Захер скончался. Скромные похороны состоялись на одном из петергофских погостов. Кончину историка-мученика почтили некрологами авторитетные научные издания – отечественные и зарубежные. В них отдана дань Захеру как прекрасному человеку и как выдающемуся ученому-историку.

«Мы, трое английских историков, Джордж Рюде, Барри Роуз и я, скорбим о старом друге, советчике Якове Захере, умершем... в своем доме в Петергофе», – так начал свой некролог Р.Кобб. Англичанин уклонился от оценки научного вклада Захера в историческую науку – «пусть другие» это сделают, но признался: «Наш друг с улицы Аврова обогатил нас не только своей эрудицией, но и своим расположением. Он был для нас как бы дядюшкой, снисходительным и доброжелательным, в то же время представителем героического поколения, который почтил нас своей дружбой»¹³⁶. Зато не ушли от оценки научных заслуг почившего историк ГДР, академик Вальтер Марков и А.Собоуль.

В.Марков прежде всего обоснованно отметил, что Захер был «из той плеяды блистательных историков-марксистов ... на которой 20 лет держалась слава советской школы в области исследования истории Французской революции». Немецкий академик вспомнил и об учителе Захера: «Его учитель Н.И.Кареев помогал ему в его увлечении народным движением Франции». Не преминул Марков сказать и о том, что если историки, такие, как М.Н.Покровский или А.В.Луначарский, не очень заботились об источниках – «их источниковый материал был узок» – и стиле изложения – их стиль был «жестким, монотонным», то Захер относился к тем людям, «которые знали, что такое революция, и для которых она значит все. У них было что сказать и сообщить». Для немецкого историка не было секретом, что это качество их работ обеспечивалось не столько вышеупомянутыми чертами их исследовательской техники, сколько той тематикой, которой они посвятили свои лучшие творческие годы. «Я.М.Захер... рано открыл редкую специальную область, от которой он не должен был больше отходить и в которую за ним не пошли его соратники – анализ истории «бешеных», исключительнейших левых в революции».

Говоря о предшественниках и особенно о современниках Захера, прямо или косвенно занимавшихся историей «бешеных», Марков справедливо заметил, имея в виду Матъеза, что советский ученый «оставил их далеко позади».

Интерпретируя действия участников Великой революции во Франции, получивших презрительную кличку «бешеные», Марков особо подчеркнул: «Он (Захер. – В.З.) знал, что они не были ни социалистами, ни анархистами и не могли ими быть, но последняя практически высшая ступень раннепролетарского эгалитаризма была достигнута, его разгром освободил путь коммунизму Бабефа». В заключение некролога академик написал, что своими исследованиями «бешеных» Захер «заслужил высшую международную оценку»¹³⁷. Эту оценку Маркова можно подтвердить словами такого знатока истории Великой революции, каким бесспорно является Собоуль. «В Захере мы потеряли одного из лучших специалистов-исследователей»¹³⁸. Добавим: Захер занимался, особенно до 1938 г., не только историей «бешеных». У него есть много работ, которые посвящены истории ведущих стран Западной Европы. Мы здесь лишены возможности проанализировать и оценить все научное наследие советского историка, но дать общее представление о нем необходимо.

Первостепенное значение имеет «Список печатных работ проф. Я.М.Захера»¹³⁹, составленный им самим в 1935 г., по-видимому, для представления в квалификационную комиссию Наркомпроса для присвоения ученой степени доктора исторических наук. В него ученый включил все к тому времени опубликованные им работы. Их было 81. В процессе подготовки настоящей статьи о Захере нам удалось обнаружить еще 21 работу историка, в том числе и опубликованные в зарубежных изданиях. Таким образом, к настоящему времени научное наследие Я.М.Захера включает 102 работы, из которых следует выделить 20 книг, множество объемных статей и рецензий. Самыми крупными монографиями Захера являются те, которые посвящены изучению движения «бешеных» времен Великой французской революции.

Заслугой Захера перед отечественной и мировой историографией явилось прежде всего то, что он в отличие от буржуазных историков, поносивших руководителей¹⁴⁰ и само движение «бешеных», подошел к изучению этого феномена Великой революции с «холодным разумом историка». Далее. Он не пожалел труда и первым досконально изучил все документальное наследие «бешеных»: брошюры и памфлеты Ж.Ру и Ж.Варле, газеты, издававшиеся Ру и Т.Леклерком, переписку вожаков «бешеных» и другие не менее значимые материалы, которые Захер обнаружил в прессе того времени и в архивных фондах Конвента и Парижской коммуны. Этот большой материал позволил ему на первых порах создать запоминающиеся портреты «бешеных»: Ру и Варле, Леклерка и Лакомб¹⁴¹. Все тот же материал, который пополнился архивными документами после командировки в Париж в 1927 г., дал историку возможность реконструировать идеологию «бешеных» в двух своих монографиях¹⁴².

Три десятилетия, отделяющих выход в свет второго исследования от первого, были драматичными не только в личной судьбе историка, но и в его интерпретации истории «бешеных». Если в начале 30-х годов Захер не считал «бешеных» представителями ранней коммунистической идеологии, то в начале 60-х он солидаризировался с К. Марксом, писавшим еще в начале 40-х годов прошлого века, что «революционное движение, которое... имело своими главными представителями Леклерка и Ру... движение это породило коммунистическую идею. Эта идея при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка»¹⁴³.

В.Г.Ревуненков резонно в связи с этим заметил: «Остережемся же делать из краткого упоминания К. Маркса о Жаке Ру те выводы, которые из слов Маркса не вытекают»¹⁴⁴. Между тем Захер не остерегся, особенно в книге «Движение «бешеных»» (М., 1961). В ней он писал: «Революционное движение «бешеных»... породило коммунистическую идею, которая при дальнейшей последовательной разработке стала идеей нового мирового порядка, воплощенного в победоносном строительстве коммунизма в СССР, в успехах развития всего социалистического лагеря»¹⁴⁵. Но не только в этом ошибался историк. Ошибался он и в другом, отождествляя плебейское движение в Париже только с движением «бешеных», В своих исследованиях в этой связи он недооценивал роли эбертистов в революции конца XVIII в. во Франции, неверно считал «санкюлотскую демократию», сложившуюся в парижских секциях, «не только утопической, но и прямо враждебной интересам революции в условиях того времени»¹⁴⁶, а позицию «бешеных» против чрезвычайщины якобинцев «глубоко ошибочной»¹⁴⁷. Пристрастный исследователь научного наследия Захера может обнаружить и еще ряд ошибок и недочетов в его книгах и статьях по истории «бешеных». Однако, несмотря на них, книги Захера, по справедливому замечанию В.Г.Ревуненкова, до сих пор «сохраняют значение произведений, в которых собраны наиболее существенные факты и материалы, характеризующие «бешеных», и наиболее полно проанализированы социально-экономические взгляды Жака Ру и его единомышленников»¹⁴⁸.

Сам Захер в конце жизни отчетливо сознавал, что до полной и всесторонней истории «бешеных» исследователям предстоит еще значительный путь: «Работа в этом направлении еще ни в какой степени не может считаться законченной, и предстоит сделать еще очень много». И это «очень многое» Захер четко сформулировал в своей последней книге¹⁴⁹. Перечень еще не разрешенных наукой вопросов по истории «бешеных» можно при необходимости и расширить, однако и названные в книге показывают, сколь важна и тяжела была та ноша, которую нес всю свою трагическую жизнь выдающийся советский историк, профессор Я.М.Захер.

1. См. Французский ежегодник. 1963. М., 1964, с. 357, Markov W. Zum Tode von Jakob Michailovits Zacher – Sonderdruck der Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, H 7, Berlin, 1963, S. 1350–1352, Annales historiques de la Révolution française (далее – АНRF), N° 173, 1963, p 398–399. В этом же номере помещен биографический очерк Я. М. Захера, написанный А. Собылем.
2. Ревуненков В.Г. Захер и историография бешеных – Вестник ЛГУ. История – язык – литература. Вып. 1, 1963, № 2, с. 143–156, *его же*. Великая французская революция: традиции изучения и новые подходы – Вопросы истории, 1989, № 5, с. 99 и др.
3. Дунаевский В.А. Великая французская революция в советской историографии (1917–1941): история и историки М., 1966, с. 68–69, *его же*. Советская историография новой истории стран Запада 1917–1941 М., 1974, с. 95, Далин В.М. Историки Франции XIX–XX вв. М., 1981, с. 68 и др.
4. Вестник литературы, 1921, № 6–7, с. 12; Печать и революция, 1921, № 2, с. 150–151; 1928, № 3, с. 122–124; Книга и революция, 1921, № 10–11, с. 31–32; там же, 1922, № 7, с. 44; там же, 1923, № 2, с. 52–63; Известия, 20, II, 1924; 5, II, 1926; Правда 24, IV, 1924; 5, VIII, 1924; 27, I, 1928; Историк марксист 1930, № 18–19, с. 205–208; АНRF, 1928, № 2, p. 128–138; *ibid.*, № 12, p. 596–598; *ibid.*, 1930 № 7, p. 400–407; *ibid.*, 1931, № 12, p. 515–529.
5. Считаю своим долгом выразить душевную благодарность и сердечную признательность А.В.Адо, Т.В.Вахрамеевой, А.В.Гордону, Э.С.Герстенбергер, А.В.Евсееву, А.Н.Пшеничному, О.А.Беличенко, Н.Я.Солонимской, оказавшим мне неоценимую помощь в работе.
6. Государственный архив Российской Федерации, Санкт-Петербургское отделение (далее – ГАРФ, СПб), ф. 7240, оп.2, д.1340, л.34.
7. Там же, л.33.
8. Точную дату установить не удалось. – Там же, л.12.
9. Там же
10. Там же, л.22.
11. Там же, л.23.
12. Там же.
13. Там же, ф. 4331, оп.13, д.85, л.2.
14. См.: П.Л.Лавров – Н.И.Карееву, 12 января 1881 г. – Материалы для биографии П.Л. Лаврова, вып.1. Пг., 1921, с.49.
15. ГАРФ (СПб.), ф.4331, оп.13, д.85, л.3.
16. Там же, л.1.
17. Письмо В.И. Ленину инженера Силы Морозова от 24 марта 1920 г. – Новый мир, 1992, № 6, с.226.
18. Наталия Яковлевна Солонимская (дочь историка) показала нам служебную книжку своего отца В ней написано, что Я.М.Захер «совершенно не пригоден к воинской службе». Правда, надо иметь в виду, что она была выдана историку до 1917 г.
19. ГАРФ (СПб.), ф. 4331, оп.13, д.85, л.1.
20. Новейшее время в 20-е годы начинали с Великой французской революции. Я.М.Захер во всех перечисленных учебных заведениях читал лекции по истории Великой революции, хотя он называл свой курс – новейшая история Запада.
21. ГАРФ (СПб.), ф.7240, оп.2, д.1340, л.1.
22. Захер Я.М. История Великой французской революции (Конспект лекций). Пг., 1923, Предисловие.
23. ГАРФ (СПб.), ф.7240, оп.2, д.1340, л.8.
24. Там же, л.5.
25. Там же, л.10.
26. Там же, л.11.
27. Там же, ф.4331, оп.13, д.85, л.1.
28. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990, с.276.
29. Из далекого и близкого прошлого. Сб. этюдов в честь 50-летия научной жизни Н.И.Кареева. М.-Л., 1923, с.300–309.
30. ГАРФ (СПб.), ф.4331, оп.13, д.85, л.3.
31. Захер Я.М. Парижские секции 1790–1795 гг. и их политическая роль и организация. Пг., 1921.
32. Великая французская революция и Россия. Под ред. А.В.Адо и др. М., 1989, с.196–203.
33. Там же, с.198.

34. Кареев Н.И. Книги о французской революции. – Вестник литературы, 1921, № 6-7, с.12.
35. Там же, с.12.
36. Печать и революция, 1921, № 2, с.150.
37. Там же, с.151.
38. Книга и революция, 1921, № 10–11, с.31–32.
39. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое, с.172–210, 345–346.
40. Письмо Я.М.Захера в объединенное заседание института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов от 18 февраля 1931 г. – *Зайдель Г, Цвибак М.* Классовый враг на историческом фронте. Л., 1931, с.226.
41. Некоторые из них: Очерки по истории «бешеных» эпохи Великой французской революции (1925); Великая французская революция (1923); «Бешеные» (1930); Движение «бешеных» (1961), и др.
42. Архив РАН (СПб. отд.), ф233, оп.2, д.50, л.1.
43. ГАРФ (СПб.), ф. 4331, оп.13, д.85, л.2.
44. Архив РАН (СПб.), ф.233, оп.2, д. 50, л.2.
45. Трудовой список проф. Я.М.Захера. – Архив Вологодского педагогического института, личное дело проф. Захера, оп.18, д.1, л.2.
46. Называем некоторые работы Захера первой половины 20-х годов. История Великой французской революции Учебник и хрестоматия. Л., 1923; К истории русской политики о проливах в период между русско-японской и триполитанской войнами. – Из далекого и близкого прошлого. М.-Л., 1923; Промышленный переворот в Англии. Л., 1924, и др.
47. Проф. Я.К.Пальвадре – Главпроффобру Наркомпроса – Архив Вологодского пединститута, личное дело проф. Захера, оп. 18, д. 1, л. 7.
48. ГАРФ (СПб.), ф.4331, оп.13, д.85, л.3.
49. Я.З. Из деятельности Ленинградского отделения института истории РАНИОНа. – Историк-марксист, 1927, № 5, с.278.
50. Там же.
51. См.: Известия, 8.VII.1926, с.5, Правда, 14.VII.1926, с.6; Летописи марксизма, 1927, № 3, с.141–142.
52. Захер Я. М. Девятое термидора Л., 1926, с.5.
53. Там же.
54. АНRF, 1928, №2, р.134.
55. Летописи марксизма, 1927, № 3, с.141.
56. Захер Я. М. Проблемы «Термидора» в свете новейших исторических работ. – Историк-марксист, 1927, № 6, с.239.
57. Там же, с.241. Такое понимание «термидора» и развил советский историк в своей книге, специально посвященной этой проблеме.
58. См.: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И.Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988, с.96–97.
59. Кареев Н.И. Великая французская революция. Пг., 1918, с. 129.
60. Цит. по: Историк-марксист, 1927, № 6, с. 239, прим. № 1.
61. Работы: *Эрде Д.И.* 9 термидора в исторической литературе. М.-Л., 1931; *Добролюбский К.П.* Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794–1795 гг. Одесса, 1949 – появились после упомянутых исследований Я.М.Захера. Надо сказать, что К.П.Добролюбский не назвал сочинения Захера.
62. Захер Я. М. «Бешеные». Л., 1930, с.3.
63. Архив Российского государственного педагогического университета (далее – РПГУ), личное дело № 28 (Захер Я.М.), л.12.
64. Красный архив, 1924, № 6–7.
65. Архив РПГУ, личное дело № 28, л.12.
66. Отчета Я.М.Захера о результатах его научной командировки в Париж не удалось обнаружить.
67. АНRF, 1963, № 173, р.399–400.
68. См.: Под знаменем марксизма, 1928, № 6, 9–10, 12; 1929, № 2–3, 7–8; Вестник Коммунистической академии, 1929, № 33/3; Проблемы марксизма. М., 1928; Известия ЛГУ, 1930, № 2.
69. *Катерли Е.* «Ученый» дезертир. – Ленинградская правда, 12.X.1929.
70. Я.К.Пальвадре – Главпроффобру Наркомпроса, 25 мая 1930 г. – Архив Вологодского пединститута, личное дело проф. Захера, оп.18, д.1, л.7.
71. Ленинградская правда, 12.X. 1929.
72. Архив Вологодского пединститута, личное дело проф. Захера, оп.18, д.1, л.11.
73. Там же, л.3 об.
74. Там же, л.15.
75. Там же, л.5.
76. Там же, л.15.

77. Там же.
78. Захер Я.М. «Бешеные», Предисловие, с.5.
79. С.-й. Рецензия на книгу: Я.М.Захер. «Бешеные». – Историк-марксист, 1930, т.18–19, с.205–208.
80. Там же.
81. Там же.
- * Ленинградское отделение Коммунистической академии. – Прим. ред.
82. Подробнее об этом см.: Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф.Платонова. – Вопросы истории, 1989, № 5, с. 117–129; Чапкевич Е.И. Страницы биографии академика Е.В.Тарле. – Новая и новейшая история, 1990, № 4, с.37–54.
83. Сорокин П.А. Долгий путь: автобиографический роман. Пер. с англ. Сыктывкар, 1991, с.148.
84. Зайдель Г., Цвибак М. Указ.соч.
85. Там же, с.222.
86. Там же, с.223.
87. Там же, с.225–230.
88. Там же.
89. Отзыв о работе проф. Захера на историко-экономическом отделении СКП ин-та – Архив Вологодского пединститута, личное дело проф.Захера, оп.18. д.1, л.12.
90. Автобиография проф. Я.М.Захера. – Там же, л.39. Розыск документов в текущем архиве Новгородского пединститута и в Государственном архиве Новгородской области не дал положительных результатов. Поэтому приводим данные лишь Вологодского архива.
91. Я.М.Захер – А.К.Шишкину, 18 декабря 1934 г. – Там же, л.69.
92. Там же, л.53.
93. Там же, л.77.
94. Там же.
95. Н.Я.Солонимская показывала нам чудом сохранившийся семейный альбом, в котором много любительских фотоснимков. На некоторых из них запечатлены оба историка с женами и детьми в Крыму и под Ленинградом.
96. ГАРФ (СПб.), ф.4331, оп.13, д.85, л.4.
97. Там же, л.4.
98. Там же, л.10.
99. Там же, л.17.
100. Там же, л. 41.
101. Молок А.И. Характеристика проф. Я.М.Захера. 8 апреля 1940 г. – Архив МБР РФ по Ленинградской области, уголовное дело № П–19801 в отношении Я.М.Захера и др.
102. Архив Санкт-Петербургского университета, отдел кадров 1917–1944 гг., оп.1, п/п 1089–1119, св.34, д.4306. л.1.
103. Архив МБР РФ по Ленинградской области, уголовное дело № П–19801 в отношении Я.М.Захера и др.
104. Там же.
105. Там же.
106. Показания суду свидетеля М.М.Малкина 14 сентября 1939 г. – Там же,
107. Там же.
108. Несколько ранее эту же мысль особо отметил Жерар Вальтер в статье о проблемах диктатуры якобинцев, назвав Захера, наряду с другими советскими учеными, «учителем по подготовке историков, которые в свою очередь распространяют среди советских студентов преимущества нового исторического метода» – АНРЕ, 1931, № 12, р 515–516.
109. Архив МБР РФ по Ленинградской области, уголовное дело № П–19801 в отношении Я.М.Захера и др.
110. Там же.
111. Н.Я.Солонимская – В.П.Золотареву, 15 января 1991 г. – Архив автора.
112. Там же.
113. Справка Верховного суда РСФСР от 16 июля 1956 г. № 797 – ПС 6 о прекращении дела Я.М.Захера за отсутствием состава преступления. Эту справку любезно предоставила нам Н.Я.Солонимская.
114. Архив МБР РФ по Ленинградской области, уголовное дело .N» П-19801 в отношении Я.М.Захера и др.
115. Запись беседы с Н.Я.Солонимской, состоявшейся 30 мая 1991 г. в Ленинграде – Архив автора.
116. А.В.Гордон – В.П.Золотареву, 24 декабря 1990 г. – Архив автора.
117. Запись беседы с Н.Я.Солонимской, состоявшейся 30 мая 1991 г. в Ленинграде. – Архив автора.
118. Н.Я.Солонимская – В.П.Золотареву, 15 января 1991 г. – Архив автора.
119. АНRF, 1963, № 173, р.399.

120. А.В.Гордон – В.П.Золотареву, 14 июля 1992 г. Свидетельство А.В.Гордона подтверждается и другим очевидцем первого появления Я.М.Захера на истфаке ЛГУ Ю.Д.Марголисом, ныне профессором Санкт-Петербургского университета Ю.Д.Марголис – В.П.Золотареву, 23 октября 1992 г. – Архив автора.
121. *Собуль А.* Из истории Великой буржуазной революции 1789-1794 годов и революции 1848 г, Пер. с франц. под ред. А.В.Адо. М, 1960.
122. Я.М.Захер – А.В.Адо, 19 ноября 1958 г. – Архив А.В.Адо.
123. Я.М.Захер – А.В.Адо, 26 сентября 1961 г. – Архив А.В.Адо.
124. Я.М.Захер – А.В.Адо, 2 января 1961 г. – Архив А.В.Адо. Книга «Движение «бешеных» действительно в скором времени появилась. Надо ли говорить, сколь рад был Захер: мечта всей его жизни хотя и наполовину, но осуществилась.
125. Я.М.Захер – А.В.Адо, 26 сентября 1961 г. – Архив А.В.Адо. Первое издание книги «Анаксагор Шометт – антирелигиозник XVIII в.» было осуществлено в 1930 г. Захер имел намерение переработать ее, как он это сделал с книгой «Бешеные», увидевшей свет одновременно с «Шометтом...»
126. См.: Новая и новейшая история, 1959, Ms 2, с. 113–126; № 4, с. 148–151; 1960 № 6 с. 150–151; 1962, №5, с. 56–71.
127. ANRF, 1961, № 1, p. 19–34; Deutsche Literaturzeitung, 1960, H. 3, S. 243–246; Crmca storica, 1962, № 3, S. 369–398; Deutsche Literaturzeitung, 1964, H. 1–3, S. 5–20.
128. Я.М.Захер – А.В.Адо, 3 декабря 1958 г. – Архив А.В.Адо.
129. Там же.
130. Я.М.Захер – А.В.Адо, 15 апреля 1959 г. – Архив А.В.Адо.
131. Там же. Действительно, такое понимание термина «санкюлоты» в то время было общепринятым. См.: *Ревуненков В.Г.* Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции. Л., 1971, с. 31.
132. Я.М.Захер – А.В.Адо, 25 марта 1959 г. – Архив А.В.Адо.
133. Там же.
134. Я.М.Захер – А.В.Адо, 30 февраля 1960 г. – Архив А.В.Адо.
135. Там же.
136. ANRF, № 173, 1963, p.398–399.
137. *Markov W.* Op.cit., S.1350–1352.
138. ANRF, № 173, 1963, p.399, 300.
139. Мы располагаем вторым машинописным экземпляром «Списка...» с собственноручными правками Я.М. Захера. Первый экземпляр хранится в ГАРФ (СПб.), ф. 4331, оп. 13, д. 85.
140. Не удержался от этого даже такой вдумчивый историк, как А. Матьез, называвший Леклерка, Ру и Варле «коноводами», «демагогами», «сеятелями недоверия» и «зачинщиками насилия и анархии» см.: *La Revolution Francaise par Albert Mathiez.* Т.3. Le Terreur. Paris, 1927, p.19, 31, 32.
141. *Захер Я.М.* Жак Ру. Л., 1922; его же. Очерки по истории «бешеных» эпохи Великой французской революции (Жак Ру – Доливье – Л'Анж). Л., 1925; его же. Клара Лакомб. – Проблемы марксизма. М., 1927; его же. Варле в эпоху термидорианской реакции – Под знаменем марксизма, 1927, № 6; его же. Т.Леклерк. – Под знаменем марксизма, 1929, № 7–8, и др.
142. *Захер Я.М.* «Бешеные»; его же Движение «бешеных». М., 1961.
143. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т.2, с.132.
144. (пропуск в тексте статьи)
145. *Захер Я.М.* Движение «бешеных», с. 221.
146. *Захер Я.М.* К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предыстории социалистических идей. – История социалистических идей. М., 1962, с. 122.
147. *Захер Я.М.* «Бешеные», их деятельность и историческое значение. — Французский ежегодник. 1964. М., 1965, с.106.
148. *Ревуненков В.Г.* Захер и историография «бешеных», с.146.
149. *Захер Я.М.* Движение «бешеных». М., 1961, с.23.